

УДК 321.64:172.15(4)

И. В. Черниговских

(кандидат философских наук, доцент)

Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, РФ)

ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО НЕОФАШИЗМА: ФАКТОРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ

***Аннотация.** В статье исследуется феномен возрождения и трансформации фашистской идеологии в странах Западной Европы в конце XX – первой трети XXI века. На основе теоретических подходов В. Э. Багдасаряна, С. С. Сулакишина и исторических определений Коминтерна автором выделяются существенные черты современного фашизма. Анализируются два основных этапа эволюции неонафашизма после Второй мировой войны, а также комплекс объективных и субъективных факторов (демографических, политических, экономических), способствующих его активизации. Особое внимание уделяется классификации форм проявления неонафашизма на уровне идеологии («цивилизационный фашизм», парламентский популизм) и политической практики (руссофобия, ревизионизм истории). Делается вывод о высокой адаптивности неонафашизма, его способности имитировать демократические институты для достижения своих целей и необходимости выработки комплексной стратегии противодействия.*

***Ключевые слова:** неонафашизм, европейский фашизм, ультраправый популизм, национализм, ксенофобия, политический радикализм, идеологическая трансформация, кризис демократии, миграция, руссофобия, Западная Европа, исторический ревизионизм.*

I. V. Chernigovskikh

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University of Engineering Technologies
(Voronezh, Russian Federation)

EVOLUTION AND MODERN FORMS OF EUROPEAN NEO-FASCISM: FACTORS OF REVIVAL AND SOCIO-POLITICAL THREATS

***Abstract.** The article examines the phenomenon of the revival and transformation of fascist ideology in Western European countries at the end of the XX – first third of the XXI century. Based on the theoretical approaches of V. E. Baghdasaryan, S. S. Sulakshin and the historical definitions of the Comintern, the author highlights the essential features of modern fascism. The article analyzes two main stages of the evolution of neo-fascism after the Second World War, as well as a complex of objective and subjective factors (demographic, political, and economic) contributing to its activation. Special attention is paid to the classification of forms of neo-fascism at the level of ideology ("civilizational fascism", parliamentary populism) and political practice (Russophobia, revisionism of history). The conclusion is made about the high adaptability of neo-fascism, its ability to imitate democratic institutions in order to achieve its goals and the need to develop a comprehensive counteraction strategy.*

***Key words:** neo-fascism, European fascism, ultra-right populism, nationalism, xenophobia, political radicalism, ideological transformation, crisis of democracy, migration, Russophobia, Western Europe, historical revisionism.*

Фашизм как политический феномен, казалось бы, был исторически и идеологически разгромлен по итогам Второй мировой войны. Однако, как показывает исторический опыт, политические феномены такого масштаба редко исчезают бесследно. Конец XX – начало XXI в. показали, что элементы фашизма продолжают существовать и проявляться в разных странах и регионах, принимая новые формы и приспособляясь к новым реалиям. Несмотря на распространенность фашистской идеологии и практики в Северной⁸ и Южной Америке⁹, Азии¹⁰ и даже в 90-е гг. XX в. в нашей стране, основным центром этой тенденции остается Западная Европа. В связи с этим объектом исследования является современный европейский неофашизм, а его предметом – причины, эволюция и основные формы проявления данной идеологии в конце XX – первой трети XXI в. Цель работы заключается в том, чтобы на основе анализа предмета выявить ключевые особенности эволюции неофашизма, систематизировать формы его проявления и определить характер опасности, которую он представляет для человечества.

Современный европейский фашизм (иногда его называют неофашизм, подчеркивая, что речь идет о фашизме, возникшем после второй мировой войны) может отличаться от своего классического варианта по форме и методам, поскольку изменился исторический контекст и природа политических институтов. Фашизм как политический феномен в конце XX – первой трети XXI века проявляется не как реставрация, а как адаптация, мутация и диффузия его ключевых компонентов в новые социально-политические контексты. Однако его сущность остается неизменной. Эта сущность, по мнению авторов книги «Современный фашизм: новые облики и проявления» В. Э. Багдасаряна и С. С. Сулакшина, определяется двумя основными признаками: «это присвоение себе права превосходства (1) и права насилия над другими (2)» [1, с. 28].

Также необходимо не упускать из виду главную задачу, которую преследовали те, кто использовал идеологию фашизма, превратив ее в практическое средство:

⁸ Неонацизм в Соединённых Штатах представлен несколькими организациями и группами. Крупнейшей неонацистской организацией является «Национал-социалистическое движение» (НСД).

⁹ В некоторых странах Латинской Америки 1950-х – начала 1980-х гг. (Парагвай, Аргентина, Уругвай, Гватемала, в известной степени Чили) установились режимы с выраженными фашистскими и неофашистскими чертами. В наибольшей степени эта тенденция проявилась в Боливии 1980–1981 гг. – военно-криминальный режим гарсиамесизма открыто сотрудничал с видными деятелями европейского неофашизма. Неофашистский характер носили ультраправые парамилитарные формирования в Чили (*Patria y Libertad*), Аргентине (*Triple A*), Колумбии (*AUC*), Гватемале (*Mano Blanca*), Сальвадоре (эскадроны смерти), Мексике (*Tecos*).

¹⁰ Откровенно неофашистский характер имеет Партия национального движения Турции (исторический лидер – Альпарслан Тюркеш, нынешний – Девлет Бахчели) с её военизированным крылом Серые волки (другие названия – «Корпус идеалистов», «Идеалистические очаги»).

решение капиталом своих проблем за счет внутренней и внешней экспансии. Здесь можно вспомнить определение фашизма, данное в докладе финского коммуниста, одного из деятелей Коминтерна О. В. Куусинена «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий» на XIII пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала (28 ноября 1933 г.) и повторенное на VII конгрессе Коминтерна (2 августа 1935 г.) болгарским коммунистом и одним из лидеров коммунистического движения Г. М. Димитровым: «фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [2, с. 120].

Таким образом, сущность фашизма, фиксируемая в определении О. В. Куусинена и Г. М. Димитрова как «открытая террористическая диктатура финансового капитала», находит свое операциональное выражение в двух ключевых признаках, выделенных В. Э. Багдасаряном и С. С. Сулакшиным: присвоении права на превосходство и права на насилие. Иными словами, именно насилие и идеология расового или национального превосходства становятся теми инструментами, с помощью которых финансовый капитал реализует свои экспансионистские задачи.

В истории европейского неофашизма можно выделить два этапа: первый – с 1945 г. (с момента завершения Второй мировой войны в Европе) и до декабря 1991 г. (до распада СССР и крушения социалистической системы в Восточной Европе); и второй – с декабря 1991 г. и до сегодняшнего дня.

На первом этапе основные усилия были направлены на реализацию т. н. «европейской идеи», под которой понималось «осуществление неудавшегося во время второй мировой войны "антикоммунистического освобождения Европы" и ее последующего объединения в могучий территориальный регион вокруг подлежащей восстановлению "сильной Средины" с "присущим ее политической системе духом порядка"» [3, с. 217].

В это время США отводили Западной Европе роль противовеса блоку социалистических стран Восточной Европы. Нужно было продемонстрировать преимущество капиталистической политической, социальной и экономической системы. Поэтому, используя финансовые ресурсы США и возможность увеличения социальных расходов за счет уменьшения военных расходов¹¹, страны Западной Европы получили возможность поднять уровень жизни т. н. «среднего класса». Финансовый капитал реализовал свои интересы в форме экономической экспансии, «законного» усиления собственного влияния на экономику других стран, подчинения себе

¹¹ В конце 1950-х годов все страны НАТО стали снижать военные расходы. В 1960 году только 3 страны из 15 тратили на оборону более 5% от ВВП – США (8,99%), Великобритания (7,09%) и Франция (5,43%). В 1969 году уже две – США (8,63%) и Великобритания (5,5%) (Алексеев А. Дональд Пять Процентом. Во сколько обходится НАТО новая гонка вооружений // Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/8194650> (дата обращения: 10.03.2026)).

их производства. В это время неофашизм существовал в виде маргинальных партий (например, Italian Social Movement/MSI в Италии, Национально-демократическая партия/NPD в Германии) и был встроен в политическую систему благодаря «экономическому чуду» и антикоммунистическому консенсусу в рамках холодной войны.

Ситуация изменилась с распадом СССР и крушением социалистической системы в Восточной Европе в 1991 г. В этих условиях, во-первых, отпала необходимость поддержания социального благополучия широких слоев населения и, во-вторых, освоение ресурсов Восточной Европы и постсоветского пространства вызвало конкуренцию между западноевропейским и североамериканским финансовым капиталом. Это приводит к качественным изменениям во внутренней и внешней политике. В результате складываются объективные и субъективные факторы, которые способствуют активизации элементов фашизма в конце XX – первой трети XXI века в Западной Европе. Среди этих факторов можно выделить следующие:

1) демографический фактор: рост числа иммигрантов и изменение структуры населения вызывают тревогу и опасения среди коренного населения, создавая благодатную почву для популяризации идей национального превосходства и нетерпимости;

2) политический фактор: кризис представительной демократии, выражающийся в дистанцировании политических элит, росте технократизма и коррупции, привел к разочарованию широких слоев населения в демократическом процессе и формирует запрос на «прямую волю», персонифицируемую харизматичным лидером; разочарование в регулирующих и защитных функциях такого наднационального образования как Евросоюз вызвало эффект актуализации национально-государственных ценностей в политическом сознании населения европейских стран;

3) культурный фактор: глобализация и ускорившиеся процессы миграции ведут к усилению чувства потери национальной идентичности;

4) экономический фактор: несостоятельность государственных экономик и социальное неравенство приводят к снижению уровня жизни значительных групп населения, что, во-первых, создает благоприятную почву для возникновения радикально-националистических движений и, во-вторых, усиливает стремление к сильным властным структурам, обещающим быстрое решение проблем;

5) информационный фактор: современные средства коммуникации позволяют быстро формировать массовое сознание и манипулировать восприятием реальности, формируя иллюзию единства нации и внешнего врага; обеспечивают распространение экстремистской пропаганды и формирование замкнутых сообществ сторонников;

б) психологический фактор: чувство беспомощности и неопределенности, связанное с быстрыми изменениями в обществе, вызывает потребность в сильном руководстве и четких ориентирах, а это способствует развитию авторитарных моделей управления.

Эти факторы создают условия для появления фашистских течений и способствуют формированию поддержки у определенной части общества. По мнению В. Э. Багдасаряна и С. С. Сулакшина, «привлекательность» фашизма для обывателя проявляется в следующем: 1) он обеспечивает социальное благополучие¹²; 2) фашизм апеллирует к великодержавию; 3) фашизм в противовес индивидуализирующему либерализму содержит солидаризационные послы; 4) фашизм восстанавливает утрачиваемые и размываемые при либерализме групповые идентичности, и прежде всего идентичности этнические; 5) фашизм апеллирует к истории, к традициям соответствующей общности, ее традиционным ценностям; 6) фашизм сбрасывает маски с буржуазного общества, т. к. он резко осуждает гедонизм, потребительство, торгашескую мораль, и поэтому в нем видят альтернативу буржуазности; 7) фашизм отвергает ценностный релятивизм; 8) фашизм разоблачает нефункциональность институтов демократии в буржуазном обществе, их имитационно-симулятивный характер¹³ и противопоставляет псевдодемократизму иерархизм, как единственно жизнеспособную, с точки зрения фашистских идеологов, систему; 9) фашизм разграничивает лучших и худших и утверждает, что властвовать должны лучшие; 10) фашизм, мобилизуя социум, активно оперирует образом врага внутреннего и внешнего, что получает особый отклик в контексте национального унижения от поражений и кризисов; 11) фашизм преподносится в образах высокой героики (в этом отношении он противопоставляется миру «обывателей»); 12) фашизм реализует запрос коренных жителей на ограничение в правах чужаков-мигрантов; 13) фашизм выступает за регулирование экономики, а соответственно, борется с безработицей и спекулятивным капиталом [1, с. 39–40]. Обобщая вышесказанное, можно выделить три ключевых вектора, обеспечивающих привлекательность фашизма в периоды кризисов. Во-первых, это апелляция к базовым потребностям человека в защищенности и идентичности: фашизм обещает социальное благополучие, солидарность, восстановление этнических связей и защиту от «чужаков». Во-вторых, это критика изъянов либеральной модели – ее ценностного релятивизма, элитарности и «симулятивности» демократии, – которую фашизм разоблачает и обещает преодолеть через иерархию и авторитет «лучших». В-третьих, это мобилизующая героика и образ врага, которые дают выход социаль-

¹² Но, при этом игнорируется тот факт, что это социальное благополучие избранных достигается за счет подавления или отсеечения чужих.

¹³ Фашистская критика состоит в разоблачении того факта, что в реальности вместо демократии при либерализме реализуется де-факто власть олигархии.

ному недовольству и чувству национального унижения. В совокупности эти факторы позволяют фашизму успешно конкурировать с либерализмом, который в кризисных условиях часто воспринимается как идеология элит и глобализации, чуждых национальным интересам и повседневным заботам рядовых граждан.

Понимание механизмов этой привлекательности позволяет перейти к анализу того, в каких конкретных идеологических формах и политических практиках реализует себя современный неофашизм.

На уровне идеологии неофашизм проявляет себя как: 1) «цивилизационный» фашизм; 2) «постфашистский» популизм; 3) неонацистские субкультуры.

«Цивилизационный» фашизм представляет собой транснациональную идеологию, в которой место биологической расы занимает «цивилизация» (например, «европейско-христианская»), представленная в апокалиптической борьбе с иными цивилизациями. Таким образом, «цивилизационный» фашизм сочетает в себе элементы клерикализма, этнонационализма и антиглобализма.

«Постфашистский» популизм является «респектабельным лицом» современного ультраправого движения. Его главная задача – легитимизация и приход к власти через выборы. Он основывается на следующих идеях:

– отказ от исторического бремени: происходит сознательный разрыв с символикой и риторикой исторического нацизма/фашизма (свастика, фюрерство, прямое отрицание Холокоста). В результате идеология очищается от наиболее одиозных элементов, чтобы не попадать под законодательные запреты и не отпугивать массового избирателя;

– концепция «народного суверенитета» против «коррупцированной элиты»: мир делится не на «арийцев» и «недочеловеков», а на «чистый народ» и «гнилые элиты» (Брюссель, Вашингтон, глобалисты). Это позволяет использовать левую, антиолигархическую риторику для продвижения правых идей;

– этно-плюрализм (новый расизм): вместо биологического превосходства используется идея о том, что культуры и этносы должны развиваться отдельно, чтобы сохранить свою уникальность. Выдвигается лозунг: «Нам не нравятся не люди другой расы, а смешение культур, которое убивает нашу идентичность». Это позволяет требовать ограничения миграции, не называя себя расистами;

– идея «иллюзорности демократии»: неофашисты утверждают, что либеральная демократия – это ширма, за которой реальной властью обладают олигархи или наднациональные структуры. Они предлагают вернуть власть «реальному народу» через референдумы и сильную национальную власть, противопоставляя «псевдодемократизму» прямую «волю нации»;

– традиционализм как оружие: ценности ЛГБТ, мультикультурализм и гендерная политика преподносятся как искусственные проекты элит по уничтожению

христианской (или национальной) идентичности, поэтому защита «традиционных ценностей» становится триггером для мобилизации консервативного электората.

Неонацистские субкультуры представляют собой «подпольное» или контркультурное крыло. Они не стремятся к легальной парламентской борьбе (или считают её второстепенной). Их задача – сохранение «чистоты учения» и радикализация молодежи. Идеологически это проявляется через эстетику и эзотерику, а не через политические теории. В качестве примера можно привести «эзотерический гитлеризм» и «ультраправое язычество», в основе которых лежат оккультные представления о «тысячелетнем рейхе», связи с древними цивилизациями или нордическом язычестве.

На уровне политической практики неофашизм проявляется в: 1) авторитарном этатизме (как модели управления); 2) парламентской деятельности (использование трибуны для легитимации ксенофобии); 3) уличном насилии.

Авторитарный этатизм реализуется в рамках укрепляющихся автократий или «управляемых демократий». Его характеризует культ государства и верховного лидера как воплощения национальной судьбы, идея «особого пути». Политическая практика включает подавление инакомыслия, установление контроля над медиа и судебной системой, эрозию правовых гарантий. Мобилизация общества осуществляется через милитаристскую риторику, исторический ревизионизм, культивирование образа внешней угрозы. Гражданское общество подменяется корпоративистскими структурами, лояльными режиму.

Депутаты от неонацистских и ультраправых партий систематически используют парламентскую трибуну для озвучивания ксенофобских тезисов. Поскольку это происходит в официальном органе власти и транслируется по телевидению, у зрителя срабатывает эффект «санкционирования»: «раз об этом говорят в парламенте, значит, это допустимая точка зрения». Постепенно размываются табу на публичное выражение ненависти.

Задача уличного насилия – физическое устрашение противников и создание атмосферы террора для определенных групп населения. Оно действует как внесистемная оппозиция, но часто имеет неформальные связи с парламентскими структурами. Уличное насилие проявляется в:

1) прямых действиях, т. е. физических нападениях на мигрантов, антифашистов, бездомных и т.п. Это могут быть как спонтанные избиения «пьяными подростками», так и хорошо организованные акции возмездия;

2) запугивании и психологическом терроре (например, пикетирование домов, где живут беженцы, с факелами и агрессивными лозунгами; нанесение граффити с угрозами на дома активистов, осквернение кладбищ и мемориалов);

3) срывах публичных мероприятий – нападение на левые, антифашистские митинги, блокирование культурных событий, которые ультраправые считают «чуждыми»;

4) «охране порядка», в частности, формировании патрулей из числа членов группировок для «защиты» районов от мигрантов или полиции. Они позиционируют себя как «народных мстителей», берущих на себя функции государства, которое якобы не справляется.

Предложенная выше классификация идеологических форм и политических практик современного неонацизма позволяет не только структурировать теоретическое знание, но и объяснить конкретные политические процессы в современной Европе. Рассмотрим, как теоретические конструкты проявляются в реальной политике.

Во-первых, это откровенная русофобия как инструмент консолидации. Являясь конкретным воплощением идеологемы «внешнего врага» (характерной для всех форм неонацизма), русофобия сегодня выполняет функцию мобилизации «европейско-христианской цивилизации». В этом качестве она служит мостиком между «цивилизационным фашизмом» (борьба цивилизаций) и парламентским популизмом (противопоставление «народа» и «внешних сил»).

Во-вторых, исторический ревизионизм и марши СС. Эти явления иллюстрируют симбиоз идеологии неонацистских субкультур (прямая апологетика нацизма) и практики уличного насилия. Параллельно они решают задачу, сформулированную еще на первом этапе эволюции европейского неонацизма – «антикоммунистическое освобождение Европы», очищение истории от роли Красной армии.

В-третьих, поддержка откровенно фашистского режима на Украине. Данный случай представляет собой уникальный сплав всех описанных ранее элементов: 1) на уровне идеологии: украинский национализм впитал в себя как классические расовые теории ОУН-УПА, так и современный «цивилизационный» антироссийский дискурс; 2) на уровне политической практики: мы видим классический авторитарный этатизм (культ государства, подавление оппозиции, милитаризация), легальную парламентскую деятельность партий националистического толка и широкое распространение уличного насилия, осуществляемого добровольческими батальонами и радикальными группировками.

Таким образом, поддержка киевского режима является не просто частным случаем внешней политики, а квинтэссенцией современного европейского неонацизма, где его идеологические постулаты и политические методы применяются в наиболее полном и неприкрытом виде.

Фашизм в первой трети XXI века – это не призрак прошлого, а живая, адаптивная идеология. Его главная опасность заключается не в буквальном повторении исторических сценариев, а в умении использовать слабости современных обществ и институтов. Его сила – в способности диагностировать реальные общественные болезни (неравенство, дезинтеграция, кризис идентичности), предлагая при этом катастрофически упрощённые и разрушительные рецепты. Он эксплуатирует ин-

струменты демократии для её подрыва, а технологии открытого общества – для распространения ксенофобии и авторитарных идеалов. Современный фашизм часто отказывается от прямых призывов к диктатуре, предпочитая дискурс «национальной демократии», «суверенитета» и «традиции». Противодействие требует не только правовых и силовых мер, но и целостной социокультурной и экономической стратегии, способной предложить позитивную, объединяющую альтернативу мифу о возрождении через ненависть и изоляцию. Необходимо внимательно отслеживать возникновение новых форм фашизма, анализировать его причины и последствия, разрабатывать эффективные механизмы профилактики и противостояния этому опасному явлению. Игнорирование его многоликости и адаптивности может привести к незаметной нормализации практик, составляющих суть этой разрушительной для свободного общества идеологии.

Библиографический список:

1. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. – М.: Наука и политика, 2017. – 328 с.
2. Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). – М.: Политиздат, 1975. – С. 119–192.
3. Опитц Р. Фашизм и неофашизм: Сокр. пер. с нем. / Под ред. А. А. Галкина; Предисл. М. Б. Корчагиной. – М.: Прогресс, 1988. – 280 с.

R e f e r e n c e s :

1. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. Sovremenny`j fashizm: novy`e obliki i proyavleniya. – M.: Nauka i politika, 2017. – 328 s.
2. Dimitrov G. Nastuplenie fashizma i zadachi Kommunisticheskogo Internacionala v bor`be za edinstvo rabocheho klassa, protiv fashizma. Doklad na VII Vsemirnom kon-gresse Kommunisticheskogo Internacionala 2 avgusta 1935 g. // VII kongress Kommu-nisticheskogo Internacionala i bor`ba protiv fashizma i vojny`. (Sbornik doku-mentov). – M.: Politizdat, 1975. – S. 119–192.
3. Opitcz R. Fashizm i neofashizm: Sokr. per. s nem. / Pod red. A. A. Galkina; Predisl. M. B. Korchaginoj. – M.: Progress, 1988. – 280 s.